

Эдгар Райс
Берроуз

Эдгар Райс
Берроуз

ТАРЗАН

КОРОЛЬ
ДЖУНГЛЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.3(73)

ББК 84(7Coe)-44

Б51

Edgar Rice Burroughs

THE SON OF TARZAN
JUNGLE TALES OF TARZAN
TARZAN AND THE JEWELS OF OPAR

Перевод с английского

Художник *В. Лебедева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения Edgar Rice Burroughs, Inc.
и литературных агентств Blake Friedmann Literary,
TV & Film Agency Ltd и Andrew Nurnberg.

Берроуз, Эдгар Райс.

Б51 Тарзан. Король джунглей : [сборник : перевод с английского] / Эдгар Райс Берроуз. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 672 с.

ISBN 978-5-17-097141-1

В новых приключениях великолепного Тарзана — приемыша обезьяньей стаи и одновременно наследника знатного английского рода Грейстоков, он продолжает бросать вызов свирепости стихий, коварству алчных авантюристов и кровожадных зверей, обретает сокровища в затерянном городе и благодарную дружбу больших и малых созданий, которых он выручил из беды.

УДК 821.111-311.3(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Edgar Rice Burroughs, 1915, 1916, 1919

© Перевод. Л. Чуковская, Н. Чуковский,
наследники, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-097141-1

СЫН ТАРЗАНА

I

ЗАГАДОЧНАЯ ОБЕЗЬЯНА

Шлюпка с парохода «Марджори В» неслась по течению широкой реки Угамби. Сидевшие в ней отдыхали: им приходилось много грести против течения, и они были рады, что теперь лодка несется сама, не требуя их усилий. Внизу в трех милях отсюда стоял на якоре их пароход, готовый пуститься в плавание, как только они пристанут к нему, поднимут шлюпку и укрепят ее на боканцах.

Люди, находившиеся в лодке, либо дремали, либо лениво беседовали. Вдруг все они встрепенулись и стали вглядываться в северный берег реки. Оттуда к ним донесся чей-то хриплый, визгливый голос, и вскоре они увидели какое-то подобие человека, простиравшего к ним тощие руки.

— Что за черт! — крикнул один из матросов.

— Белый человек! — сказал помощник капитана. — Налягте на весла, ребята, пристанем к берегу и посмотрим, чего ему надо?

Подойдя к берегу, они увидели какое-то страшное худое существо с жидкими седыми, сильно взлохмаченными волосами. Костлявое, хилое, согбенное тело не было прикрыто одеждой, и только на бедрах висела какая-то тряпка. По впалым, изъеденным оспой щекам струились обильные слезы. Этот живой скелет бормотал что-то невнятное на каком-то странном наречии, которого никто не понимал.

— Должно быть, русский,— соображал помощник капитана.— Не иначе как русский... Эй, ты! Умеешь говорить по-английски?

Да, он умел говорить по-английски. Но он запинаясь, подыскивал слова, словно уже много лет не говорил на этом языке. Он умолял моряков увезти его из этой ужасной страны.

Очувтившись на пароходе, незнакомец рассказал своим спасителям, как он дошел до такого ужасного состояния и сколько в эти последние годы он вынес лишений и мук. О том, как он попал в Африку, он умолчал, предоставляя им думать, что у него изгладились из памяти все те обстоятельства, которые предшествовали его страдальческой жизни. Он даже не сообщил им своего настоящего имени и назвался Михаилом Савровым, да и не было никакого сходства между этой жалкой развалиной и тем мужественным, но беспринципным Алексеем Павловым, каким мы знали его в прежние годы.

Прошло уже десять лет с тех пор, как Алексей Павлов спасся от участи, постигшей его друга, преступного Рокова. В течение этого времени Алексею Павлову не раз приходилось завидовать Рокову: последний, находясь в могиле, забронирован от ударов судьбы, между тем как ему, Алексею, жизнь наносит такие обиды и раны, которые хуже смерти. Смерть словно нарочно щадила несчастного.

Когда Павлов увидел, что звери Тарзана вместе со своим диким вождем напали на корабль «Кинкэд», он бросился искать спасения в джунглях. Его страх перед Тарзаном был так велик, что он забрался далеко-далеко, в самую густую, непроходимую чащу и в конце концов попал в руки разъяренных людоедов, которым много пришлось пострадать от зверской жестокости Рокова. Странная прихоть вождя этого племени спасла Павлова от смерти, но сколько страданий и пыток он вынес!

Десять лет он был мучеником целой деревни; женщины и дети колотили его и швыряли в него камнями, а воины кололи копьями и калечили. Самые злые лихорадки одна за другой подтачивали его организм. И все же ему не удалось умереть...

Оспа вонзила в него острые когти и оставила страшное клеймо у него на лице. Он сделался таким уродом, что родная мать не могла бы узнать его. Его лицо словно покрылось отвратительной маской. Ключки желто-белых волос — вот и все, что осталось от его густых и черных локонов. Его скрючило, словно дряхлого старика, руки и ноги у него стали дрожать, походка сделалась неуверенной, старческой. Зубы во рту исчезли — они были выбиты кулаками его диких владык. Даже его рассудок представлял собой жалкую пародию на тот яркий и смелый ум, которым когда-то отличался Павлов.

Моряки взяли его на корабль, ухаживали за ним, кормили его. Он стал немного бодрее и почувствовал себя лучше, но наружность его осталась все та же: такой же бывший человек, растоптанный и исковерканный жизнью.

Ему еще не было сорока лет, но казалось, что ему не меньше восьмидесяти.

Никакой жажды мести не осталось в сердце у Алексея Павлова, только тупая ненависть. Ненависть к человеку, которого он и Роков неудачно пытались погубить; ненависть к покойному Рокову, потому что Роков заставил его перенести столько ужасов; ненависть к полиции двух десятков городов, от которой он должен был скрываться; ненависть к закону, ненависть к существующему строю, ненависть ко всему... Каждая минута его жизни была напоена болезненной злобой, и его умственные способности подверглись такому же разрушению, как и его тело, испепеленное злобой.

У него было мало общего, или, вернее, у него ничего общего не было с теми людьми, которым он был обя-

зан своим спасением. Он был слишком слаб и не мог работать; он был слишком угрюм и не мог составить веселое общество; в конце концов его предоставили себе самому.

«Марджори В» была зафрахтована синдикатом богатых фабрикантов, снабжена лабораторией и целым штатом ученых и отправлена на поиски какого-то продукта местной флоры, который фабриканты были вынуждены до сего времени выписывать из Южной Америки по баснословной цене. Что это был за продукт — никому, кроме ученых, не было известно на борту «Марджори В».

Несколько недель судно стояло на якоре, вдали от берегов. Однообразная жизнь начинала утомлять путешественников. Они стали часто уезжать на берег, и однажды Павлов попросился с ними: раздражающая монотонность жизни на корабле успела утомить его.

Остров густо зарос лесом. Джунгли спускались почти к самому морю. Ученые зашли в глубь острова, продолжая свою погоню за ценной древесиной: туземцы материка указывали им, что остров богат этим товаром. Экипаж корабля охотился, ловил рыбу и занимался исследованиями. Павлов шатался по берегу или лежал под тенью высоких деревьев на опушке леса.

Однажды все матросы столпились вокруг пантеры, убитой одним из охотившихся. Павлов дремал под деревом. Вдруг кто-то тронул его за плечо. Он проснулся и, приподнявшись, со страхом увидел огромную человекообразную обезьяну, которая сидела на корточках и внимательно рассматривала его. Ужас охватил Алексея Павлова. Он взглянул на матросов — они находились в двухстах шагах от него. Обезьяна опять затеребила его плечо, жалобно бормоча. Во всей позе животного и в его вопросительном взгляде не было угрозы. Павлов медленно поднялся на ноги. Обезьяна встала рядом с ним.

Согнувшись почти вдвое, человек осторожно побрел к матросам. Обезьяна взяла его под руку и зашагала ря-

дом. Они уже почти дошли до маленькой кучки людей, прежде чем их заметили. Павлов успел убедиться, что обезьяна настроена мирно: по-видимому, она привыкла к человеческому обществу. Русский подумал, что она принадлежит к особо разумной породе обезьян, и решил воспользоваться этим для своей выгоды.

Когда люди обернулись и увидели направляющуюся к ним странную пару, они были поражены и бросились к обезьяне, держа оружие наготове. Обезьяна не выказала ни малейшего страха. Напротив, она потрепала каждого матроса по плечу и долго и серьезно смотрела каждому в лицо. Рассмотрев всех, она вернулась к Павлову, и на ее физиономии выразилось сильное разочарование.

Люди принялись потешаться над ней. Они обступили Павлова, задавали ему разные вопросы и разглядывали обезьяну. Русский сказал им, что обезьяна принадлежит ему. Ничего больше он не объяснял, только повторял снова и снова: «Это — моя обезьяна, это — моя обезьяна». Один из матросов, которому надоела болтовня Павлова, решил позабавиться. Он подошел к обезьяне сзади и ткнул ее булавкой. Как молния она обернулась и ринулась на жестокого шутника; дружелюбное животное превратилось в разъяренного демона! Широкая улыбка, за минуту сиявшая на лице у моряка, сменилась выражением ужаса. Он пытался ускользнуть от могучих длинных рук, хватавших его, на свою беду, вздумал при этом вытащить из-за пояса большой нож. В одно мгновение обезьяна вырвала у него оружие, швырнула в сторону, и ее желтые когти вонзились в плечи несчастного.

Схватив ножи и палки, вся команда с гиканьем и бранью кинулась на зверя, а Павлов беспомощно прыгал вокруг матросов, угрожающе наступавших на зверя. Он видел, как его сокровище гибло под ударами.

Но справиться с обезьяной оказалось далеко не легкой задачей, хотя противники были сильнее ее. Оставив

моряка — виновника драки, она повернула свою гигантскую спину и обрушилась на двоих его товарищей, подступавших к ней сзади. Могучими ударами открытых ладоней оттолкнула она обоих нападавших, прыгая то туда, то сюда с проворством маленькой мартышки.

Сражение было замечено капитаном и штурманом, которые только что высадились на берег с «Марджори В», и Павлов увидел, что оба они бегут с револьверами в сопровождении двух матросов. Обезьяна остановилась и посмотрела на Павлова, но ждала ли она нового нападения или просто выбирала, на кого бы из врагов броситься раньше, он не мог понять. Он сознавал только, что приближалось мгновение, когда оба офицера будут на расстоянии выстрела и прикончат ее. Надо было что-нибудь предпринять и предпринять очень быстро. До сих пор обезьяна не пыталась кинуться на русского; однако он боялся подойти к дикому животному, полному звериного гнева и почувствовавшему запах пролитой крови; но перед ним снова встали его мечты о богатстве, которое доставит ему это человекоподобное существо, когда он привезет его в одну из столиц мира.

— Посторонись! — крикнул ему капитан, целясь в зверя, но Павлов подошел к обезьяне, и хотя волосы встали у него дыбом, он пересилил свой страх и схватил ее за руку.

— Идем! — приказал он и потащил зверя прочь. На месте сражения остались побитые матросы. Одни сидели на земле, остолбенев от ужаса, другие ползли в сторону на четвереньках.

Обезьяна позволила увести себя и не выказала ни малейшего желания напасть на русского. Капитан остановился в нескольких шагах от странной пары.

— Отойди в сторону, Савров! — закричал он. — Я угощу эту тварь так, что ей не придется больше калечить моряков.

— Она не виновата, капитан, — взмолился Павлов. — Прошу вас, не стреляйте. Матросы сами виноваты, они первые напали на нее. Смотрите, она совершенно смирная. Это моя обезьяна... моя, моя, моя!.. Я ни за что не дам вам убить ее! — закричал он почти истерически. Его расстроенное воображение снова рисовало ему картины всех тех радостей, которые принесут ему в Лондоне деньги; а как иначе может он теперь надеяться раздобыть деньги, если у него не будет обезьяны?

Капитан опустил револьвер.

— Вы говорите, люди первые напали на нее? — переспросил он. — Так ли это? — И он повернулся к морякам, которые тем временем успели подняться с земли. Все они были невредимы, кроме забияки, всадившего в обезьяну булавку; тому, несомненно, предстояло с неделю возиться со своим поврежденным плечом.

— Симпсон первый задел его, — сказал один из моряков. — Симпсон всадил ему булавку в спину, ну мохнатый и кинулся на него и потрепал как следует; и нам попало малость, но бранить мохнача не за что, мы сами на него нападали.

Капитан вопросительно взглянул на Симпсона, и тот коротко подтвердил все сказанное. Затем капитан подошел к обезьяне, как бы для того, чтобы на собственном опыте убедиться, какого она нрава; при этом он предусмотрительно держал револьвер на взводе.

Обезьяна сидела на корточках около Павлова, поглядывая то на одного, то на другого матроса. Когда капитан приблизился к ней, она поднялась и направилась к нему навстречу. На ее физиономии появилось то же странное выражение острого интереса и любопытства, с которым она встречала каждого незнакомого человека. Казалось, она кого-то искала.

Она подошла вплотную к офицеру, положила лапу ему на плечо и принялась изучать черты его лица; затем у нее в глазах появилось выражение разочарования, со-

проводимое тяжелым, почти человеческим вздохом. Она отошла от капитана и начала так же внимательно разглядывать лица штурмана и обоих матросов, прибывших с офицерами. Каждый раз она вздыхала и опускала глаза и, наконец, снова села рядом с Павловым, не проявляя больше никакого интереса к людям и как будто забыв свое недавнее столкновение с ними.

Когда команда вернулась на корабль, обезьяна пошла вслед за Павловым. Ей как будто очень хотелось ехать вместе с ним. Капитан не препятствовал ей, и, таким образом, человекоподобное животное стало пассажиром корабля. Очутившись среди матросов, обезьяна пристально всматривалась в каждое новое лицо, но всякий раз испытывала, видимо, разочарование. Офицеры корабля и ученые из экспедиции часто беседовали между собой об этом животном, но никак не могли понять, почему обезьяна с таким страстным любопытством относится к каждому человеку, встречаемому впервые. Если бы ее нашли на материке или в такой стране, где обитают люди, можно было бы подумать, что эта обезьяна некогда жила среди людей и теперь разыскивает своего хозяина. Но это объяснение было неправдоподобно, так как обезьяну нашли на необитаемом острове, куда, очевидно, почти не ступала нога человека.

Было несомненно, что обезьяна непрестанно ищет какое-то определенное лицо. В первые дни путешествия она металась по всему кораблю и заглядывала в каждую щель. Но после того как она перезнакомилась со всеми бывшими на корабле людьми, она, словно отчаявшись найти того, кого искала, впала в апатию и не интересовалась больше ничем. Даже на Павлова, который был во все время путешествия занят исключительно ею, она обращала внимание лишь тогда, когда он приносил ей еду. В остальное время она относилась к нему совершенно равнодушно, не выказывая никаких особых чувств, как, впрочем, ко всякому другому человеку.

Не проявляла она теперь и той ярости, которую возбуждали в ней в первый день напавшие на нее матросы.

Целыми днями сидела она у иллюминатора и так смотрела на расстилающийся перед ней горизонт, как будто знала, что корабль направляется туда, где она после долгих поисков встретит нужного ей человека.

Ее назвали Аяксом. Все считали ее самой замечательной и самой умной из всех обезьян. Ростом она значительно превосходила других себе подобных. Ее сила внушала ужас. Было ясно, что она стара, но годы не отразились ни на ее теле, ни на остром уме.

Наконец «Марджори В» прибыла в Лондон. Офицеры корабля и ученые, из сострадания к несчастному калеке, которого им удалось спасти, собрали немного денег, дали их Павлову и пожелали ему успеха с его Аяксом.

В Лондоне Павлов немедленно повел Аякса к известному укротителю зверей. Аякс очень понравился укротителю, и тот согласился обучить его разным штукам, выговорив себе львиную долю предстоящих доходов. Кроме того, он обязался кормить и обезьяну, и ее хозяина.

Так Аякс прибыл в Лондон, и так было выковано новое звено в цепи странных обстоятельств, которые отразились на жизни многих людей.

II

МЕЧТЫ МАЛЕНЬКОГО ЛОРДА

Мистер Гарольд Мур был очень трудолюбивый и добросовестный молодой человек с желтым лицом, изнуренным болезнью.

Он состоял воспитателем мальчика в семье одного английского лорда и, сознавая, что его ученик не делает тех успехов, которых справедливо ожидали его родители, счел необходимым поговорить с его матерью.

— Дело не в том, что у него нет способностей, — говорил он. — Если бы это было так, я все-таки надеялся

бы на успех, потому что мог бы направить всю свою энергию на преодоление его тупости. Но досаднее всего, что он исключительно умный мальчик. В выполненных им заданиях я не могу найти ни одной ошибки. Меня глубоко огорчает то, что он совершенно не проявляет интереса к своим занятиям. К заданным урокам он относится, как к тяжелому труду, который надо окончить возможно скорее. Вряд ли вспоминает он когда-нибудь то, что учил в часы занятий. Его интересуют только разные приключения и геройские подвиги да некоторые повести из жизни животных и дикарей. Звери особенно занимают его: он готов целыми часами вчитываться в записки какого-нибудь исследователя Африки, и были случаи, когда я заставал его ночью в постели за чтением книги Карла Хагенбека о зверях и дикарях.

Мать мальчика нервно топнула ногой по предкамину коврику.

— И вы, конечно, запретили ему это?

Краска выступила на бледном лице мистера Мура. Мистер Мур бормотал в замешательстве:

— Я... я... пробовал взять у него книгу... но, знаете, у вашего сына такие мускулы... Он слишком силен для своих лет.

— Он не дал вам отобрать у него книгу? — спросила мать.

— Да, — признался учитель, — он удержал ее силой. Вообще он мальчик добрый и в этом случае был вполне корректен. Но... он превратил нашу маленькую стычку в игру: он убеждал меня, что он — горилла, а я — шимпанзе, и что я хочу отнять у него добычу. С диким рычанием, какого я еще никогда не слышал, он налетел на меня и, подняв меня в воздух у себя над головой, швырнул к себе на постель. После этого он сделал вид, будто душит меня, а затем вскочил на мое простертое тело и издал страшный пронзительный крик, причем объяснил, что так кричат обезьяны-самцы, когда торжествуют по-

беду. Закончил он тем, что понес меня к двери, выставил за порог и заперся в своей комнате на ключ...

Несколько минут царило молчание. Наконец мать мальчика сказала серьезно:

— Вы должны, мистер Мур, сделать все возможное, чтобы прекратить эти выходки, потому что мой Джек...

Но она не закончила фразы, так как в это мгновение за окном раздался громкий протяжный крик: «Хо-о-гоп!»

И дама, и учитель вскочили со своих кресел.

Комната была на втором этаже; перед домом стояло высокое дерево, ветви которого свешивались к самым окнам: среди его листвы сидел тот, о ком сейчас шел разговор, высокий, хорошо сложенный, красивый мальчик. Он с изумительной легкостью балансировал на сгибающейся под его тяжестью ветке. Увидев в окно испуганные лица, он радостно вскрикнул.

Мать и воспитатель кинулись к окну, но едва они сделали несколько шагов, мальчик проворно прыгнул с дерева в комнату.

— Дикарь из Борнео приехал в Лондон! — воскликнул он звонким голосом и пустился исполнять военный танец вокруг встревоженной матери и шокированного учителя. Затем он обхватил ее шею руками и поцеловал в обе щеки. — О, мама! — кричал он. — Вилли Гримсби видел вчера в мюзик-холле удивительную ученую обезьяну. Она делает все, что угодно: ездит на велосипеде, ест ножом и вилкой, считает до десяти и умеет делать еще много-много чудесных вещей! Можно мне пойти посмотреть на нее? О, мама, умоляю тебя, мамочка, пусти меня...

Нежно похлопав ребенка по щеке, мать отрицательно покачала головой.

— Нет, Джек, — сказала она, — ты знаешь, я не одобряю подобных зрелищ.

— Я не понимаю, почему ты мне не позволяешь, мама, — отозвался обиженный мальчик. — Всем другим